

ТРАДИЦИОННОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО
И КУНАЧЕСТВО ЧЕЧЕНЦЕВ
В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

1. Гостеприимство и куначество в общественном быту чеченцев, как и многих других народов, занимает важное место. Нарушение священного долга гостеприимства считалось тягчайшим позорным поступком.

2. Слова «кунак» для обозначения понятий «гость», «приятель», «друг» и др. (как у многих народов Северокавказского региона) чеченцы не знали и не употребляли. Чеченское слово «конах» (*къонах*), близкое по произношению к слову «кунак» или, как его произносят карачаевцы и кумыки, «конак» (*къонак*), происходит от слова «кона» (*къона*) — молодой — и имеет значение «молодец», «достойный человек». Другое старинное чеченское слово «кано» (*къано*) — «старейшина, избранный представитель народа мудрец» — происходит от «кена» (*къена*) — «старый» — и также не имеет никакого отношения к значению слова «кунак». В родственных нахских и адыгейских языках имеется слово «хаша» (*хъаша*), которое переводится на русский язык как «гость». Гостем (*хъаша*) считается не только специально приглашенный человек, но каждый пришедший в дом (на ночлег, разделить трапезу, с просьбой защиты или содействия в чем-либо). «Куда не заглянет гость, туда не заглянет добро» — гласит чеченская поговорка. Гостеприимством чеченцев мог воспользоваться человек любой расы и вероисповедания [1, с. 188]. Чем дольше длились отношения между представителями приглашающей стороны и гостем, тем большая ответственность возлагалась на хозяев, которая выражалась в вежливом обхождении, помощи, обеспечении питанием и охране своего гостя. Примеры этому есть и в фольклоре. Следует отметить, что термином *хъаша* гость обозначает и своих хозяев. Гость говорит о своих хозяевах: «*Сан хъеший бу уьш*» — «Они мои гости». Слово «хъаша» имеет двойственное значение.

3. По обычаю право на посещение дома считается священным. Большим позором было, если пришелец (знакомый или незнакомый) уходил из дома, не встретив радушного приема. Осторожность в приеме незнакомого гостя могла быть вызвана лишь опасением, что он может оказаться кровным врагом.

Чеченцы, как и другие народы Кавказа, отводили специальное помещение для гостя: в горных районах это была комната на втором этаже, а в плоскостных районах, где строились одноэтажные дома, для удобства гостей сооружалась во дворе «комната гостя» (*хьеша цIа*) или же отводилась одна из комнат (*хьешийн ото*). Помещение для приема гостей отличалось от других жилых помещений лучшим убранством. «Хозяин, — писал Н. Дубровин, — в большинстве случаев предупреждает гостя и сам выходит к нему навстречу, здоровается, пожимает руку, принимает коня <...> Пригласив гостя в кунацкую, хозяин в дверях принимает по обычаю передаваемое ему гостем оружие. После этого горский этикет возлагает уже на хозяина обязанность оказания самого изысканного гостеприимства. Несмотря на жалкую обстановку жилищ, нищету и бедность, чеченцы отличаются самым радушным гостеприимством...» [2, с. 145]

По традиции для гостя полагалось зарезать одну овцу (даже если в доме имелось мясо), мясо которой сразу варилось. Близкие люди хозяина заходили поздороваться с гостем, узнать новости. Перед трапезой хозяин, его младший брат или сын приносили для омовения рук таз (*тас*), рукомойник (*зIуммагI*), полотенце (*гамта*).

4. Гостя усаживали на почетное место (*баьрче*) — на дощатой тахте, обычно покрытой войлочным ковром (*истанг*), скрестив ноги, или на низком трехножном стуле (*зIант*) или на подушке (*миндар*). Перед гостем в большом деревянном блюде (*текс*) ставили мясо из сваренного барана: две лопатки (*пханар*), четыре бедренные кости (*буност*), четыре берцовые кости (*зIуност*), голову (*корта*) и грудинку (*накха*). Если баран был курдючным, приносили и курдюк (*дума*). Гость, переложив для себя в посуду (*хедар*) кусок мяса, благодарил хозяина и просил унести оставшее мясо. Потом ему как почетному лицу откладывали на отдельный поднос (*шун*) почитаемые части барана: голову, грудинку и курдюк. Гость обычно отрезал кончик уха и передавал его млад-

шему из присутствующих членов семьи хозяина, это означало, что младший должен всегда слушаться старших. Если гость не желал откусать мясо с головы, то он обязательно отрезал для себя правый глаз или кусок мяса ниже правого уха, после чего передавал голову хозяину. Точно так же гость, отрезав кусок из нижней части курдюка выше его тонкого кончика или просто дотронувшись до него, просил забрать остальной курдюк. Иногда гость оставлял для себя только мясо с передней правой ноги или ребер [3, с. 20, 47]. По этикету, чтобы гостю не было неудобно есть досыта, никто из присутствующих не должен был заканчивать трапезу раньше него. Сидящим с гостем за трапезой не полагалось задерживаться за едой дольше гостя. «Чеченское приличие требует оставаться на своем месте, пока не поедят все» [3, с. 20]. Примечательно, например, что в некоторых районах Чечни долго сохранялся такой обычай: если гость не трогал ножом ни головы, ни грудинки, это означало: «Положите мне голову и грудинку в сумку на дорогу» [3, с. 21]. Шкура зарезанного в честь гостя барана также считалась его собственностью.

Достаточно интересны пожелания гостя хозяину после окончания трапезы: *«Дала иман а, беркат ма оьийла кху чохъ»* — «Дай бог, чтобы в этом доме не иссяк хлеб (*сискал*)».

5. Х. Д. Ошаев — знаток народного фольклора. Чеченским историческим песням чеченцев чужда сказочность, они отображают действительность, в которой дружба, куначество, преданность, гостеприимство ставятся на первое место. Не золото, а помощь преданного друга выручает из беды «вдовьего сына» [4, с. 150].

Наряду с преданиями и песенным фольклором имеются документальные свидетельства, например, о том, что во время Кавказской войны русские солдаты убегали в чеченские селения и их принимали там с уважением согласно обычаю гостеприимства [5, с. 38–40]. Царским властям было трудно заставить чеченцев выдать беглецов.

Таким образом, право на гостеприимство чеченцы отстаивали наравне с важнейшими национальными правами. Д. Шерипов писал о традиционном чеченском гостеприимстве: «Чувство гостеприимства всасывалось в кровь и плоть каждого человека. Все для гостя, кто бы он ни был <...> Чеченец, когда ему нечем уго-

стить гостя, чувствует себя крайне сконфуженным и чуть ли не опозоренным. Во время пребывания гостя хозяин отказывается от личных удобств и посвящает себя ухаживанию за гостем, подает, убирает <...> он же провожает гостя, и если таковой будет убит в пути, то вместе с родственниками убитого объявляет месть убийце» [6, с. 28].

6. Обычай требовал от гостя также соблюдать верность хозяйну, в гости к которому он хотя бы раз приходил и «хлеб-соль» в доме которого отведал. По обычаю чеченцев, приезжий путник, раз вошедший в чей-либо дом переночевать и пользовавшийся правом гостя, при повторном посещении села должен зайти переночевать к нему же, а не в другой дом. И если гость случайно изменит такому обычаю, то с него, согласно старинному обычаю, полагалась в качестве штрафа одна коза. Штраф этот платил не гость, а новый хозяин, к которому пришел путник в гости.

В некоторых крайне трудных ситуациях чеченцы использовали священный обычай гостеприимства для прощения убийцы. Зная отношение чеченца к гостю, безоружному или несчастному человеку, убийцу заворачивали как покойника в саван и доставляли к дому потерпевших. В подобных случаях убийцу прощали, или кровные враги покидали свой дом, ибо мстить убийце, пришедшему с миром, считалось недопустимым [6, с. 28].

7. В обычае гостеприимства не входили сословные отношения, хотя богатые (*лакхара нах*), естественно, останавливались у богатых. Тем не менее любой чеченец из бедной семьи мог пригласить к себе любого знатного приезжего и обеспечить его всем необходимым. Это соответствовало общинным традициям.

Таким образом, идеи гостеприимства и куначества служили установлению и развитию мирных, доброжелательных и родственных отношений между различными людьми (как между близкими соседями, так и между жителями разных сел, стран и народов) независимо от их расы, языка и религии. Обычаи гостеприимства и куначества содействовали укреплению экономических, культурных и политических связей чеченского народа с другими людьми.

Традиции гостеприимства и куначества сохраняются и в наши дни, что дает положительные результаты.

Библиография

1. Семенов Л. П. Чеченская и ингушская народная словесность // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 3.
2. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I.
3. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
4. Ошаев Х. Д. Мотивы дружбы в чечено-ингушских песнях // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1961. Т. 22. Вып. 2 (Вопросы литературы).
5. Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2.
6. Шерипов Д. Очерк о Чечне (краткие этнографические сведения). Грозный, 1929.

3. И. Хасбулатова

ЭТИКЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЧЕНЦЕВ В XIX–XX вв. (По этнографическим материалам)

1. В рамках общины в первую очередь формировались и развивались нравственная культура, нормы поведения. На процесс регулирования и сохранения нравственной культуры *гиллакх-овздангалла* и соблюдение этических норм оказывало существенное воздействие мнение семьи, родственников, а также соседей, селения в целом и др. Это были регуляторы поведения человека в повседневной жизни, в каждодневном общении, а также в период коллективных работ (взаимопомощь *белхи*, помощь вдовам, сиротам и т.д.), во время общинных праздников и других коллективных мероприятий — сельских сходов, сборов на сельской площади «пхьогIа», сборов после пятничной молитвы у мечети. В этом смысле сельская община как основная ячейка утверждала форми-